

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-169-183>
УДК 398.22(470.6)

Праэлемнты утопии в северокавказском традиционном эпосе «Нарты»: осмысление в контексте современной социальной реальности

А.М. Сиюхова¹ ✉, И.А. Абдокова²

*¹Майкопский государственный технологический университет,
г. Майкоп, Российская Федерация
✉ amins@mail.ru*

*²Адыгейский республиканский колледж искусств им. У.Х. Тхабисимова,
г. Майкоп; Краснодарский государственный институт культуры,
г. Краснодар, Российская Федерация*

Аннотация. На современном этапе возникла насущная потребность дать оценку различным формам утопических идей, увязав ее с проблематикой укрепления традиционных ценностей этнических сообществ. Предмет исследования – осмысление в контексте современной социальной реальности праэлементов утопии в нартском эпосе. Основным методом выступает метод структурно-функционального анализа по выявлению роли конкретной утопической идеи в структуре нартского эпоса как формы отражения социокультурных форм бытия этноса. Также применяется метод экстраполяции, выявляющий общее и особенное в реализации конкретных утопических идей в современной социокультурной ситуации. Определена типология элементов утопического в эпосе, включающая чудеса, связанные с пищевыми продуктами; с физической силой и необычайными способностями; с трансформацией человеческого тела; с возможностью влиять на погоду и суточные циклы; с сохранением вечной молодости и красоты; с наступлением социального равенства. Выявляется, что утопии эпоса чаще имеют вещно-объективный характер и значимы не сами по себе, а в той мере, в какой они могут быть полезны для рода. Осмысление утопических перемен социальных уложений выражено метафорически, в символической форме раскрывая сущность отношения к социальному неравенству. Зерна утопий нартского эпоса в современной социальной реальности приняли различную форму реализации: некоторые осуществились и перестали быть утопиями, другие превратились из осознаваемых как реальные явления в утопические. Утопические идеи, связанные с переустройством общества, так и остаются утопиями вследствие того, что социальные идеалы все время меняются.

Ключевые слова: утопия, нартский эпос, мифологическое сознание, праэлементы утопии в эпосе, самосохранение, противостояние внешним угрозам, современная социальная реальность, этнические ценности, национальная идентичность

© Сиюхова А.М., Абдокова И.А., 2024

Для цитирования: Сиюхова А.М., Абдокова И.А. Праэлементы утопии в северокавказском традиционном эпосе «Нарты»: осмысление в контексте современной социальной реальности. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2024;16(4):169–183. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-169-183>

Primary utopian elements in the North Caucasian traditional epic «The Narts»: understanding in the context of contemporary social reality

A.M. Siyukhova¹✉, I.A. Abdokova²

¹*Maykop State Technological University, Maykop, the Russian Federation*
✉ amins@mail.ru

²*Adyge Republican College of Arts named after U.Kh. Tkhabisimov, Maykop;
Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, the Russian Federation*

Abstract. At the present stage, there is an urgent need to assess various forms of utopian ideas, linking it with the problem of strengthening the traditional values of ethnic communities. The subject of the research is to understand the primary elements of utopia in the Nart epic in the context of contemporary social reality. The main method is the method of structural and functional analysis to identify the role of a specific utopian idea in the structure of the Nart epic as a form of reflection of the socio-cultural forms of existence of the ethnos. The extrapolation method is also used, revealing the general and the specific in the implementation of specific utopian ideas in the modern socio-cultural situation. A typology of utopian elements in the epic has been determined, including miracles associated with food products; with physical strength and extraordinary abilities; with the transformation of the human body; with the ability to influence the weather and daily cycles; with the preservation of eternal youth and beauty; with the onset of social equality. It has been revealed that the utopias of the epic often have a material-objective character and are significant not in themselves, but to the extent that they can be useful for the family. The understanding of utopian changes in social structures is expressed metaphorically, in a symbolic form revealing the essence of the attitude to social inequality. The grains of utopia of the Nart epic in modern social reality have taken various forms of implementation: some have come true and ceased to be utopias, while others have transformed from being perceived as real phenomena into utopian ones. Utopian ideas associated with the reorganization of society remain utopias due to the fact that social ideals are constantly changing.

Keywords: utopia, the Nart epic, mythological consciousness, utopian primary elements in the epic, self-preservation, resistance to external threats, modern social reality, ethnic values, national identity

For citation: Siyukhova A.M., Abdokova I.A. Primary utopian elements in the North Caucasian traditional epic «The Narts»: understanding in the context of modern social reality. *Vestnik Majkopskogo gosudarstvennogo tehnologičeskogo universiteta*. 2024;16(4):169–183. <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2024-16-4-169-183>

Введение. Современные научный и публицистический дискурсы включают в себя интенсивное использование категории утопии, понимая под ней весьма широкий спектр явлений и их толкований. Стремительное увеличение скорости со-

циальных и технологических изменений, многие из которых были предугаданы и предсказаны в классических утопиях, стимулируют формирование новых утопий и антиутопий, зовущих человечество к новым взлетам, либо чреватых ужасаю-

щим саморазрушением. Сегодня возникла насущная потребность дать оценку различным формам высказываемых утопических идей, увязав ее с проблематикой укрепления традиционных ценностей этнических сообществ. Для культуры северокавказских народов в настоящий момент это является весьма актуальным, т. к. происходит заметное усиление влияния религиозных течений ислама, зачастую идущее вразрез с укорененными этническими традициями и несущих потенциал социальной деструктивности. Для успешности дальнейшего развития своего общества и культуры любому этносу сегодня «необходимо вспомнить и возродить традиционные ценности наших предков и, основываясь на них, строить свое будущее» [1].

По мнению Т.Б. Медведевой, основной идеей современной западной философии в отношении утопизма является неизбежное создание техно-утопии – осмысление желаемого будущего как жизни социума в условиях, отвечающих качествам совершенства [2]. Беспрецедентное развитие коммуникационных систем в XX и XXI веках, превратившее земной мир в «глобальную деревню» по Маклюэну [3], изменило утопическую идею локализации гармоничного общества в некоем несуществующем («нигдеином») месте на идею построения подобной социальной системы отношений на каждой пяди обитаемой биосферы, т. е. в пантопию [4], о чем пишут исследователи Т.С. Паниотова и Е.В. Санникова.

Если научно-философский подход к утопии, как правило, трактует ее как некое идеальное, пока нигде не существующее социокультурное и политико-экономическое уложение, то авторы прикладных исследований в сфере социологии, юриспруденции, политологии и даже технологического производства используют данное понятие для обозначения невозможного в различных локальных областях жизни. Приведем в пример статьи: «Введение четырехдневной рабочей недели: утопия или реальная необходимость?» [5], или

«Безопасные лифты России: утопия или реальность?» [6].

Человечество продолжает мечтать о счастливой жизни для всех, несмотря на постоянно случающиеся потрясения экономического, политического и экологического характера, вследствие чего тема утопии в системе социогуманитарного знания не утратит актуальности, пока Земля будет обитаема разумными существами. Исходя из этого, важным аспектом изучения категории утопии является поиск ее генезиса в архаических формах общественного сознания, воплощенных в творческом выражении народного духа в виде эпоса, фольклора, обычаев, традиций. Подобные исследования являются значимым фактором укрепления этнической и общенациональной идентичности, подвергаемой сегодня разнообразным прессингам политического и идеологического толка.

Обзор литературы. Интерес к теме утопии иллюстрируется многочисленными публикациями, появившимися за последние два десятилетия. Однако лишь малая их часть рассматривает проблему генезиса утопического мышления. Так, например, Э.П. Карпеев первым толчком к появлению утопий считает основную и неизбывную проблему человечества, начиная с эпохи первобытности – обеспечение средств существования и защиту от внешних опасностей [7]. Инстинкт самосохранения в постоянном преодолении смерти стал основой как первых форм культуры (мистики, мифов и пр.), так и более поздних социально-философских систем, в том числе утопий. Ученый обращает внимание на то, что в обыденном сознании возникали мечты о скатерти-самобранке или о щуке, выполняющей любые пожелания, воплощаясь в сюжетах сказок, которые бытуют до настоящего времени. В данных рассуждениях мы видим, что первые утопические образы были достаточно конкретными, вещными, вплетенными в обыденную повседневность. Проблемы преодоления несовершенств обществен-

ного уклада стали подниматься в утопиях гораздо позже, при этом некоторые его праэлементы технологически-вещного характера сохранялись, например, в «Новой Атлантиде» Френсиса Бэкона в главе «Дом Соломона» [8]. Еще позже – в XX в. – желаемые физические трансформации как материальных предметов, так и самих людей стали превалировать в форме техно-утопий.

К работам методологического характера следует отнести исследование О.В. Фединой, в котором она проводит комплексный анализ основных подходов к самому понятию утопии. В фокусе ее внимания оказываются концепции выдающихся теоретиков, занимающихся вопросами анализа социальной реальности и моделей социального ожидания (К. Маркса, З. Фрейда, К. Мангейма и др.). Важным замечанием ученого становится мысль о том, что «социальные ожидания человека всегда будут связаны с бессознательным отождествлением личного и национального будущего» [9]. Данный тезис сочетается с пониманием того, что концепт неразрывной связки понятий «личное/общественное» заложен в архетипическом слое сознания, сформированным в глубокой древности и воплощенном в мифо-эпических системах этносов. О.В. Федина высказывает идею, что утопия в форме литературного произведения, являясь условной визуализацией ожиданий социального идеала, может помочь в анализе массовых социальных явлений, в которые сегодня вовлечены различные социальные группы. В этом смысле, по нашему мнению, анализ утопических праэлементов в эпических системах этносов является правомерным и результативным. Это также может поддерживаться тезисом исследователя о том, что «совокупность исторических событий, сложившаяся в уникальный путь, преодоленный этносом в течение существования, откладывается в его коллективной памяти и создает базовые конструкции, царящие над ним, воссоздающие особенный поря-

док существования и методы осмысления действительности» [9, с. 26]. Эпос народа, представляя в символической форме особенности форм культуры и общественных отношений, таким образом выражает не абстрактные представления идеалов, а конкретные социокультурные ожидания данного народа.

Следует отметить, что работа О.В. Фединой во многом наследует подходы, изложенные ранее (2008) в статье Т.С. Паниотовой и Е.В. Санниковой «Утопия после “конца Утопий”». Авторы отмечают важную особенность утопического мышления, которая выражается в гипотетической возможности обладания всеми в равной степени избыточными благами природы и цивилизации. Особенно это становится очевидным в нестабильные периоды исторического развития, когда у людей возникает потребность «в устойчивых ориентирах, национальных мифах, моральных абсолютах» [4]. Именно поэтому, по мнению ученых, утопия – это не только исторический, но и глубоко современный феномен.

В рамках научной статьи невозможно охарактеризовать весь пласт научной классической и современной литературы, касающейся проблематики утопии. При этом для настоящей работы необходим обзор публикаций, посвященный вопросам исследования нартского эпоса, в которых так или иначе затрагивается тема культурного кодирования, онтологических оснований формирования особой картины мира этноса и принципов реальных социокультурных практик и взаимодействий. Необходимо отметить, что чаще всего статьи на эту тему раскрывают филологические, литературоведческие, культурологические, реже философско-антропологические аспекты. Однако они могут в полной мере являться источниковой базой для изысканий социологического порядка, т. к. в них выводы и результаты основываются на сопряжении знаково-символической системы эпоса с реалиями социальной жизни народов,

исторически населяющих Северокавказский регион. В качестве такого источника с полным правом выступает цикл статей А.С. Куёка, рассматривающего различные проблемы отражения мировоззрения и эстетики адыгов в художественно-поэтической системе нартского эпоса. Исследователь выявляет самые значимые мотивы нартских сказаний, среди которых достоящая доля может интерпретироваться с культуросоциологических позиций, как то: мотив добывания огня (для замерзающего народа), мотив богоборчества, мотив неперемогенного наказания за грехи, мотив изобретения первых орудий труда, мотив социального неравенства и др. [10]. Другая статья этого автора посвящена роли эпического героя в восстановлении космического порядка [11]. В качестве примера автор рассматривает сюжеты борьбы нартов со злым богом Пако за возвращение огня, тепла, воды людям, терпящим бедствия из-за нарушенного порядка в природе и ввержения их жизни в бессистемный хаос.

Авторитетный кавказовед К.Х. Унежев обосновывает историко-культурное значение адыгского нартского эпоса, видя в нем воплощение идеи героической борьбы, имеющей всегда не личное, но общественное значение [12]. Ученый отмечает глубочайший смысл нартских сказаний в передаче нравственных основ народа, понимании устройства окружающего мира, места человека в этом мире, выражении национальных духа и характера. Важной мыслью исследователя является положение, что причиной частой схожести мифологий различных народов является типологическая идентичность условий материального и социального существования, порождающая одинаковые формы его фантастического отражения в художественно-эпическом сознании. В дополнение к этому К.Х. Унежев высказывается о факторе культурного диалога между древними адыго-абхазскими племенами и древнегреческими народами, приведшими к возникновению множества параллелей в

сюжетах греческой мифологии и адыгского нартского эпоса.

Комплекс научных изысканий, именуемый нартоведением, также включает множество работ, посвященных раскрытию характеров и социальной функции отдельных персонажей эпоса, которые будут упомянуты в процессе настоящего исследования.

Объект исследования – эпос «Нарты» как культурное достояние народов Северного Кавказа. **Предмет исследования** – осмысление в контексте современной социальной реальности праэлементов утопии в северокавказском традиционном эпосе «Нарты».

Цель статьи – охарактеризовать элементы зарождающихся утопий в нартском эпосе и проанализировать реализацию данных идей в современной жизни общества. **В задачи** исследования входит:

- выявление основных форм утопических идей коллективного этнического сознания, заключенных в текстах нартского эпоса;
- характеристика наиболее значимых утопических идей, артикулированных в сказаниях;
- анализ реализованности данных идей в социальных взаимодействиях и практиках современности.

Основным **методом** выступает метод структурно-функционального анализа по выявлению роли конкретной утопической идеи в структуре нартского эпоса как формы отражения социокультурных паттернов бытия этноса. Также применяется метод экстраполяции, выявляющий общее и особенное в реализации конкретных утопических идей в современной социокультурной ситуации, детерминированной сохраненными, либо трансформированными ценностями, заложенными в традиционном эпосе адыгов.

Основная дискуссия. Непосредственно подступая к теме нашего исследования, укажем, что эпос любого народа содержит праэлементы утопий, сходные по своим

функциям, однако есть существенная разница в конкретном выражении данных микроутопий, что в конечном счете объясняется свойствами менталитета каждого народа.

Напомним, что героический эпос «Нарты» является культурным достоянием народов Северного Кавказа – адыгов, абхазов и др. Сложившись много веков назад, он вобрал в себя самые значимые черты национального характера и стал вербальным воплощением и выражением культурного кода кавказцев. Комплекс развернутых повествований, изложенных в прозаической, а также в музыкально-поэтической формах, воссоздает жизнь мифического племени нартов, начиная с его «появления на земле, до переселения на небо и в подземный мир» [13]. В сказаниях, посвященных героическим подвигам нартов – богатырей, вступающих в борьбу со всяческими напастями (как то: иньжи, бляго, другие нарты с низким уровнем нравственности и пр.), а также замечательным женщинам – матерям, невестам и женам нартов, присутствуют элементы чудесного, прямо или косвенно отсылающие к утопиям. Данные явления так или иначе могут быть экстраполированы на современную социальную реальность, в силу того что этнические сообщества, по мере дифференцированности их культуры от культур других народов, сохраняют некую матрицу (культурный код), позволяющую им развиваться по определенному, заданному в архетипических образах мифологического творчества вектору.

Типология таких чудес может быть представлена следующим образом:

- чудеса, связанные с пищевыми продуктами;

- чудеса, связанные с физической силой нартов и необычайными способностями;

- чудеса, связанные с необычностью способа рождения человека, трансформацией человеческого тела и бессмертия;

- чудеса, связанные с возможностью влиять на погоду и суточные циклы;

- чудеса сохранения вечной молодости и красоты;

- мечты, связанные с наступлением социального равенства и всеобщего благоденствия.

Еда представляется священной субстанцией со времен первобытности, от ее наличия или отсутствия зависят многие факторы человеческого самочувствия в физическом и эмоциональном аспектах. Реальный или потенциальный дефицит продуктов питания рождает культурные практики, связанные с обрядами и ритуалами земледелия и охоты, а также их результатами в виде продуктов питания. Так, исследователями отмечается, что обрядовая выпечка хлеба рассматривалась как посредничество между людьми и духами предков, что обуславливало особую почитательность к продукту [14]. Однако творческий потенциал народа также рождает фантазии, в которых происходит чудесная трансформация малого количества еды в большое или огромное. Именно такой сюжет раскрывается в легенде о том, как нарт Сосруко вернул Стране Нартов семена проса. Бог земледелия одарил нартов семенами проса словами: «Если сварить одно зерно моего проса, то выйдет из него полный котел пасты (густой каши). Бросил Тхаголедж в каждый нартский котел по одному просяному зерну. Нарты развели огонь, повесили свои огромные котлы и стали варить пасту. Сварили – и удивились: из каждого малого зерна вышел целый котел пасты. Принялись пировать нарты и, как повелось у них, первую заздравную чашу осушили в честь Тхаголеджа» [15]. Исследователи указывают, что котел в адыгском эпосе и фольклоре выполняет сакральную функцию символа изобилия, а борьба за обладание им знаменует борьбу порядка с хаосом и смертью [11]. Далее по сюжету суму с семенами похищает злобный иньж (одноглазый монстр-великан с драконьим

хвостом), у которого просо силой и хитростью впоследствии отвоевывает для народа нартов Сосруко.

В другом сказании Сосруко собирается в героический поход и просит свою мать Сатаней: «Приготовь мне еду, / Чтобы мощь в ней жила, / Но чтоб легок был груз, / А поклажа – мала: / Уезжаю чуть свет» [15]. Как видим, в данном отрывке также высказывается желаемое качество еды – в малом количестве содержать большой источник энергии. Следует отметить, что в реальной истории адыгские племена научились сублимировать продукты намного раньше, чем появились бульонные кубики «Галина Бланка». Высушенные и измельченные соленые сыр и мясо в полевых условиях охоты, пастушьего ремесла или воинских набегов добавлялись в свежесвареную несоленую пастэ, делая блюдо питательным и вкусным.

Еще одно чудо, претендующее на качество праэлемента утопии, – получение энергии живому от неживого, т. е. не из органического продукта. Сам Сосруко, будучи младенцем, и, позже, его чудесный летающий конь Тхожий перед походом насыщались кремнем (речной галькой): «Так сказав, Сосруко быстро / Подтянул подпруги ту же, / Дал коню кремня две меры, / Чтобы серый сил набрался. / От кремня взметнулись искры, / От огня ослепли птицы!» [15]. Если экстраполировать образ коня на современное транспортное средство (например, ледокол или ракетоноситель), то кремний можно считать эквивалентом ядерного топлива. В данном случае утопия перестала быть утопией и стала реальностью.

Второй праэлемент утопии, который мы можем вычлени из текстов нартских сказаний, – это мечта людей приобрести могучую физическую силу, дающую им по своим возможностям сравниться с богами и даже вступать с ними в противоборство. Так, семь дней юный Сосруко держался за гриву волшебного коня-альпа, пытающегося сбросить и растоптать на-

ездника. На седьмой день обессиленный неистовой скачкой конь остановился, покорился нарту и стал служить ему верой и правдой в его героических приключениях. Другой нарт Быданоко демонстрировал свою чудесную силу, передвигая тяжелую наковальню бога кузнечного ремесла Тлепша. В легендах о других нартах также встречаются сюжеты, когда они чудесным образом приобретают и демонстрируют свою волшебную физическую силу.

Помимо огромной физической силы в эпосе упоминается о других удивительных качествах организма нартов. Так, в легенде о Быданоко повествуется о его необычайной зоркости, позволяющей ему видеть звезды в солнечный день. «Если ты видишь их в солнечный день, – напутствовала Быданоко мать, – то враг не скроется от тебя и в темную ночь» [15]. Полученная в дар волшебная физическая сила и острейшее зрение как главные средства противостоять внешним угрозам также являлись утопическим выражением желательного, но недостижимого свойства мужчины-воина – победителя врагов человеческого рода.

Еще одной утопической идеей в нартском эпосе представляются чудеса, связанные с трансформацией человеческого тела. Самый известный миф о Сосруко повествует о его рождении. По легенде он зародился в камне, переброшенном через реку красавице Сатаней пастухом, присматривающим за стадом коров. Камень, отнесенный ею домой, рос и, по мере роста, становился горячим. Через положенный срок, когда выросший камень разогрелся до красна и стал трескаться, Сатаней отнесла его богу-кузнецу Тлепшу. Тот стал откалывать куски раскаленного камня и вытаскивал на свет щипцами пылающего младенца и закалил его в сосуде с ледяной водой. Мальчик стал булатным, не боящимся быть раненым, не испытывающим физической боли. И только следы от кузнечных клещей остались уязвимым местом. Булатное тело Сосруко обеспечи-

ло ему бесстрашие и свободу действий в многочисленных подвигах и приключениях и сулило бессмертие. Если проводить аналогии с новейшими утопическими образами, то с большой долей условности можно вспомнить идеи постгуманистического плана, когда человеку станет ненужным собственное биологическое тело, его органы будут заменены на искусственные (железные), а впоследствии и вовсе исчезнут, предоставив возможность записывать сознание на материальный носитель типа флешкарты, черпающий энергию солнца, либо другого неиссякаемого источника, имеющего неорганическую природу. Наступление бессмертия постчеловека как реализованная утопическая идея диссонирует с концептом гуманизма, т. к. бессмертие как таковое обесценивает саму жизнь, духовность теряет всякий смысл, исчезает радость бытия. Условное бессмертие для героев нартского эпоса несет иной социокультурный посыл – оно дается не всем, но только тем, кто защищает интересы всего рода, кто является носителем такого свойства, как альтруизм – важнейший элемент человеческой духовности. При этом бессмертие героя не абсолютное – всегда есть возможность его утратить из-за наличия скрытого места уязвимости, что, как правило, и происходит в кризисные моменты сюжета мифа, связанные с кульминационными схватками нарта с врагами своего народа. Его гибель воспринимается трагически – как принесенная жертва во имя жизни других, что вызывает у воспринимающих эпические сказания состояние катарсиса, очищения, просветления, веры в светлое будущее.

Чудо возможности людей влиять на природные явления – утопический сюжет, часто использующийся в «Нартах». Сосруко – заглавный персонаж нартского эпоса – получил от своей матери Сатаней и бога Тлепша еще одну удивительную способность – напускать на землю туман или мороз. Так, чтобы подготовиться к поединку с иныжем, похитившим просо,

и не дать ему успеть засеять поле, нарт вызвал такой сильный мороз, что горы потрескались. В другой легенде – о красавице Адиюх – героиня ночью в окно выставляет свои белоснежные руки, превращая ночь в день, чтобы помочь своему мужу, возвращающемуся с добычей из набега, безопасно перебраться через реку. Имя героини с адыгского переводится как «Светозарная» – дарующая свет. Концепт влияния на погоду и суточные циклы в контексте источников утопического сознания сопрягает в себе смыслы, связанные с проблемой пропитания и, одновременно, с необходимостью противодействовать внешним угрозам. В контексте современного социального бытия целенаправленное изменение погодных условий из утопии стало реальностью в эпоху товарно-промышленного земледелия (разгон грозовых туч с помощью специальных снарядов, тепличные хозяйства), а превращение ночи в день символически воплотилось с распространением электричества, заливающего светом цеха заводов, ночные клубы, торговые центры. Е.В. Дуков замечает, что «Если рассматривать планету из космоса, то целые континенты залиты электрическим светом. Ночь и тьма неожиданно оказались сущностно разными явлениями» [16, с. 155]. День как эквивалент света наступает на границы ночи, она становится яркой, в ее пространстве происходит множество действий, которые раньше были возможны только днем. Исследователь, ссылаясь на статистические данные, сообщает информацию о том, что за четыре года с 2012 по 2016 г. уровень ночной освещенности вырос на 110–150%, а в некоторых странах этот показатель был превышен. Однако, по справедливому замечанию Е.В. Дукова, превращение ночи в «светлое» время суток может негативно сказываться на биологических существах, в том числе на здоровье человека. Утопическая идея превращения ночи в день, явленная в эпосе адыгов, а также в мифологических

системах других этносов, реализовалась, однако ее смысловые основания претерпели трансформацию. Освещение ночью для нартов было необходимо для добывания пропитания и защиты от врагов. Данные причины в некоторой части сохранились в современности – отдельные люди используют ночь для заработка на жизнь либо проведения военных операций. Большая же часть «ночного» населения тратит время на развлечение, творчество, активный отдых, массовые культурные мероприятия, наподобие акций «Ночь музеев», «Ночь музыки» и пр. Таким образом, превращение ночи в день перестало быть утопией. Однако в результате неконтролируемого развития технологий возникла опасность экологической катастрофы, способной погрузить человечество в темную пустоту, именуемую «небытием».

В число утопических концептов нартского эпоса входит мечта о сохранении вечной молодости и красоты для женщины. В научных публикациях имеется работа Зухбы С.Л., который посвятил свое исследование идеалу женской красоты а адыго-абхазском эпосе [17]. Он указывает, что главным достоинством героинь нартского эпоса является их красивая внешность в совокупности с другими гармонично сочетающимися качествами (умом, трудолюбием и пр.). Он замечает, что нередко своим умом и смекалкой они превосходят мужчин. Автор приводит примеры, описывающие нескольких женщин – персонажей сказаний, в большей степени акцентируя внимание на литературоведческих аспектах текста. При этом С.Л. Зухба дает им характеристику по этическим критериям, говоря, что высшей ценностью для этих женщин является сохранение достоинства и моральной чистоты, продолжая мыслью, что «внешняя красота соответствует их внутреннему содержанию» [17, с. 80].

Наиболее рельефно данная идея реализуется в образе заглавной героини повествования – матери Сосруко Сатаней. По преданию в адыгской и абхазской интер-

претациях, родившись от бога и мертвой женщины, Сатаней быстро из ребенка превратилась в нестареющую женщину неземной красоты [18]. При описании ее детства в тексте легенды используется типичная для эпоса формула: «вырастая в месяц настолько, настолько положено за два месяца» [19]. Ее удивительная красота лейтмотивом звучит во всех обращениях к ней нартов. При этом она обладала бесконечной мудростью и способностью менять обличия (превращаться в старуху или подростка). «Мать моя с красой девичьей! / Ты обличье изменяешь, / Ты умней мудрейших нартов, / Сатаней, гуаша нартов!» [15], – так Сосруко предваряет свой отказ рассказать ей о причине своей печали. В легенде о Быданокко дается более развернутый портрет Сатаней: «В доме Алиджа / Много красавиц, / Но превосходит / Их красотой / Та, что проходит / Лисьей походкой, / Что колдовскою / Силой владеет, / Что не стареет, / А молодеет. / Эта гуаша / С ликом девичьим, / С нежным обличьем, / Так величава! / Нартам желанна / Больше, чем слава, / Больше, чем сано, / – Мать Сатаней. / Старый и юный / Тянутся к ней!» [15]

О значении женской красоты и молодости в архаической древности можно делать предположения, не будучи полностью уверенными в их истинности. Если основываться на античном постулате о синонимичности прекрасного и полезного, то молодость и красота женщины есть наглядные признаки здоровья, являющиеся залогом появления сильного жизнеспособного потомства. Однако притом, что данный тезис в нартском эпосе подтверждается тем, что по преданию у Сатаней было 100 сыновей и одна дочка, красота ей также обеспечивала авторитет среди нартов, не связанный напрямую с фертильностью. Т. е. красота являлась неким знаком особой духовной силы, сплывающей вокруг себя нартский народ. Косвенно об этом свидетельствует М.А. Текуева, которая исследует гендер-

ные архетипы народов Северного Кавказа на материале нартского эпоса. Она не акцентирует внимание на базовом свойстве образа Сатаней – физической красоте, но утверждает, что парадигма женского в культуре выкристаллизовывается в эпосе в форме монументального образа Великой Матери и Девы, наделяя его качеством верховного Божества в условиях матриархального типа общественных отношений [20]. Рассуждая последовательно, мы можем выстроить тождество: «божественное = прекрасное = красота», что выразилось в нартском эпосе через признание всеми и общего поклонения неземной (божественной) красоте Сатаней. М.А. Текуева высказала важную мысль, что этническое мышление, сформированное в архаические времена преобладания мифологического сознания, отражает генетически заложенное осознание гендерного равноправия, выстроенного на дифференциации социальных функций мужчин и женщин в социуме, одинаково необходимых для поддержания стабильного существования родоплеменного социума. В этом смысле женская вечная красота не может нами рассматриваться как мечта-утопия для древних адыгов, но должна быть осмыслена как естественный атрибут любой женщины-матери. Материнство – эквивалент вечной красоты, а бесконечная материнская любовь – основа нарождающейся на заре человечества духовности [21].

Сегодня мы наблюдаем наяву формирование новой утопической идеи сохранения вечной молодости не только для женщин, но и для какой-то части мужчин, которые подвергают себя косметологическим манипуляциям, претерпевая боль и неся большие финансовые затраты. Однако духовной составляющей за этим не обнаруживается, в большинстве случаев за такими действиями видится желание обрести финансовый успех для себя, продемонстрировать свой высокий имущественный статус. Еще один мотив такого

искусственного перевоплощения может быть обозначен как признак гордыни и вызов всепорождающему началу – Богу, определившему физическую конечность бытия всем живым существам. Следует признать факт, что еще никому из смертных не удалось победить в данном поединке.

Культурный код важности естественной красоты для кавказцев был актуальным вплоть до XX в., что подтверждалось этнографическими данными, когда в адыгских аулах проводились конкурсы девичьей красоты, участницы которого, помимо демонстрации своего остроумия и умения танцевать (или играть на музыкальном инструменте), должны были прилюдно умыться, чтобы доказать, что их красота природная, а не результат использования декоративных косметических средств. Остается надеяться, что мода на искусственную трансформацию тела для сохранения молодости и красоты, по-прежнему являющаяся утопией, сменится на моду на естественность, а на первый план выйдет ценность красоты духовной, без чего общество и личность рискуют приблизиться к бессмысленности существования, запускающей процессы социокультурной энтропии.

Как уже отмечалось, праэлементы утопии в архаических текстах мифов чаще всего имели конкретно-вещное выражение, представленное через физические качества человека и формы его деятельности. Однако в нартском эпосе уже наблюдаются зачатки утопий социально-трансформационного плана, касающиеся гипотез о будущем желательном социальном укладе сообщества. Примером может служить сюжет о чудном видении Сосруко, явившемся ему перед последним боем с врагами, в котором он потерпел поражение и был заживо погребен под толщей горной породы. Повествуется, что на дороге он увидел большое дерево, у подножья которого дешевые сыромятные чумьяки боролись с дорогими сафьяновыми

чувяками. Первые старались забраться на вершину дерева, а вторые препятствовали этому. «Если добирались сафьяновые до вершины дерева, листья начинали опадать, плоды сохнуть. А если хоть одному из сыромятных чувяков удавалось добраться до вершины, дерево снова зацвело» [15]. Смысл чуда для Сосруко расшифровала любящая его девушка: «Ты видел два враждебных рода. Чувяки из сыромятной кожи – бедный род, чувяки из сафьяновой кожи – богатый род. Вершина дерева, достичь которой стараются чувяки, – сама жизнь. Предстоит, значит, война между бедным родом и богатым, и победит бедный род, ибо, когда сафьяновые чувяки достигают вершины дерева, плоды гибнут, а когда вершины дерева достигают сыромятные чувяки, плоды расцветают» [15]. Данный фрагмент является мизерным элементом сказания, однако его включение в нарратив говорит о важности раздумий о несправедливости существующего социального устройства, где есть бедные и богатые. Отмечается наличие социального неравенства и символически описывается возможность и необходимость изменений посредством борьбы классов за обладание и дальнейшее развитие жизненных, прежде всего материальных ресурсов. Безусловно, данный сюжет можно экстраполировать на прокатившиеся в Европе и России в XVIII–XX вв. буржуазные, затем социалистические революции. Таким образом, были попытки утопию желания справедливого социального устройства реализовать в жизнь, но понимание сущности такой справедливости все время меняется, вследствие чего конкуренция между различными слоями общества, а также между разными обществами продолжается бесконечно. При этом есть понимание, основанное на диалектике, что наличие противоречия есть необходимое условие развития.

Заключение. Рассмотрение проблемы анализа соотношения утопии и мифологического сознания, воплощенного в

эпосе «Нарты», дает повод для некоторых обобщений, касающихся вопросов как эмпирического, так и теоретического плана в контексте социогуманитарного знания. Исторически миф более ранняя форма объектированного общественного сознания, чем утопия, вследствие чего будет справедливым считать, что именно в мифе заложены зерна будущих утопий. При этом ставшие уже классическими труды по теории мифа постулируют мысль о том, что миф есть символическое отражение объективных представлений о социальной реальности (А. Лосев [22], М. Мамардашвили и А. Пятигорский [23]), т. е. его содержание не направлено на предсказание будущего, а полностью локализуется в настоящем, принимая как данность нормы актуальных на тот период общественных отношений. Утопии же условно отрицают идеальное качество существующей социальной модели и предлагают новые принципы построения совершенного общества и цивилизационных условий его существования. Такое положение дает повод исследователю Н.Г. Митиной рассматривать утопию «как превращенную форму мифа» [24]. Миф как модель картины мира строится в сознании социума посредством творческого осмысления реальности, включающей элементы фантазии и мечты о лучшей жизни. Именно это рождает в мифах образы, отвечающие характеристикам идеала, являющиеся импульсами для развития общества в определенном направлении. Что касается идеальных образов в нартском эпосе, то по большей части они имеют вещно-объективный характер. Однако все удивительные мифические трансформации конкретных явлений в сказаниях значимы не сами по себе, а в той мере, в какой они могут быть полезны для всего социума. Так, сюжеты с волшебными трансформациями продуктов питания в сторону многократного увеличения, либо заключения огромного энергетического потенциала в минимальном количестве еды направлены на базисную

человеческую потребность в сохранении физической жизни. Разного рода трансформации организма нартов (булатное тело, небывалая физическая сила, орлиная зоркость и пр.), а также способность влиять на погоду и суточные циклы призваны помогать героям в борьбе с внешними врагами, что тоже является необходимым механизмом самосохранения рода. Перечисленные вещно-материальные утопии представляются факторами текущей жизни, гипотетически реализующиеся в конкретной повседневности. Современная же утопия сохранения молодости и красоты для женщины, что для предков адыгов не являлось утопией, а было реальной характеристикой материнства, в архаическом сознании была устремлена в будущее – на продление и бессмертие рода. Осмысление утопических перемен социальных уложений выходят за грань материально-вещных воззрений, поэтому оно выражено не в конкретике социальных взаимодействий нартских персонажей, а метафорически, в символической форме раскрывая сущность отношения к социальному неравенству (борьба сыромятных и сафьяновых чувяк). Зерна утопий, заключенные в нартском эпосе, на всем историческом пути его бытования приняли различную форму реализации: некоторые из них осуществились и перестали быть утопиями (в частности, некоторые технологические идеи утопического характера), другие превратились из осознаваемых как реальные явления в утопические (незем-

ная красота и долгосрочная молодость женщины). Утопические же идеи, связанные с переустройством общества, так и остаются утопиями вследствие того, что социальные идеалы все время меняются, появляются новые противоречия, которые и становятся главным детерминантом социального развития отдельных сообществ и всего человечества.

Актуализация комплексных социокультурных исследований золотого фонда культурного наследия сегодня необходима для укрепления национальной идентичности народов России. Нартский эпос является бесценным достоянием культуры Северного Кавказа, обладание которым в форме разнообразных практик (чтения, использования сюжетики в других видах искусства, применения в системе образования, научного анализа, в том числе с позиций генезиса утопического мышления, и пр.) имеет важное значение для формирования перформативной национальной идентичности (т. е. сближения индивидов и малых групп посредством общих форм деятельности в большую социальную группу [25]), сплывающей сообщество перед многочисленными вызовами, которые сейчас испытывает наше государство. Актуализированное научное знание о нартском эпосе откроет его для представителей других этнических групп, что явится одним из значимых оснований культурного диалога, взаимопонимания и взаимодоверия между разными этнокультурными сообществами.

КОНФЛИКТ ИНТЕРЕСОВ

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

CONFLICT OF INTERESTS

The authors declare no conflict of interests

ЛИТЕРАТУРА

1. Магомедова М.З. Традиционная культура народов Северного Кавказа как фактор противодействия экстремизму в молодежной среде // Культурное наследие Северного Кавказа как ресурс межнационального согласия: сборник научных статей по итогам Международного научного форума. М., 2019. С. 424-431.

2. Медведева Т.Б. Технологическая утопия и формы ее репрезентации в современной культуре: техно-прогрессивизм, трансгуманизм и цифровая утопия // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2011. № 20 (115). С. 45-61.
3. Маклюэн М. Галактика Гутенберга. Становление человека печатающего. 2-е изд. М.: Академический Проект, Гаудеамус, 2013. 496 с.
4. Паниотова Т.С., Санникова Е.В. Утопия после «конца утопий» // Гуманитарные и социально-экономические науки. 2008. № 3(40). С. 119-124.
5. Оглоблина Е.А. Введение четырехдневной рабочей недели в России: утопия или реальная необходимость? // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в вузе и школе. 2022. № 40. С. 404-414.
6. Лячин Ф., Щербаков В. Безопасные лифты России: утопия или реальность? // Стандарты и качество. 2007. № 8. С. 12-16.
7. Карпеев Э.П. О возникновении утопии в человеческом сознании и об утопии марксизма и религии // Евразийский союз ученых. 2015. № 12-4(21). С. 70-73.
8. Бэкон Ф. Новая Атлантида. Опыты и наставления нравственные и политические. 2-е изд. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1962. 240 с.
9. Федина О.В. Утопия как форма социокультурного ожидания [Электронный ресурс] // Ученые записки Новгородского государственного университета. 2020. № 4(29). С. 26. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43075238_30596291.pdf (дата обращения 24.10.2024).
10. Куёк А.С. О мотивах в адыгском нартском эпосе // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. 2019. Т. 19, № 1. С. 54-63.
11. Куёк А.С. Эпический герой и восстановление космического порядка в адыгском нартском эпосе // Вестник науки Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований имени Т.М. Керашева. 2019. № 19(43). С. 39-43.
12. Унежев К.Х. Адыгский нартский эпос и его историко-культурное значение // Доклады Адыгской (Черкесской) Международной академии наук. 2021. Т. 21, № 1. С. 74-83.
13. Хаджиева Т.М. Мотив чудесного рождения в нартском эпосе карачаевцев и балкарцев // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2016. Т. 10, № 4. С. 134-139.
14. Зангиева З., Кочиева И.В. Система питания в нартском эпосе осетин // Функциональное питание и проблема специфических заболеваний (Экопрофилактика качества продуктов питания и проявление специфических заболеваний): сборник докладов III Международной научно-практической конференции. Владикавказ, 2020. С. 74-79.
15. Нарты. Адыгский эпос [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rulit.me/books/narty-adygskij-epos-read-180652-8.html> (дата обращения 24.10.2024). [Название с экрана]
16. Дуков Е.В. Ночь и ее индустрии // Художественное образование и наука. 2020. № 4 (25). С. 155-164.
17. Зухба С.Л. Идеал женской красоты в нартском эпосе абхазо-адыгских народов // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия, 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 80-83.
18. Батукаева Х.Х. Нартский эпос как основа для зарождения северокавказской литературы [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pedopyt.ru/categories/19/articles/1595> (дата обращения 24.10.2024).
19. Бухуров М.Ф. Формулы быстрого роста героя в сказках и нартском эпосе адыгов // Эпос единения и дружбы: материалы Международной научной конференции. Нальчик, 2013. С. 45-50.
20. Текуева М.А. Гендерные архетипы народов Северного Кавказа (по нартскому эпосу) // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 6-1 (68). С. 154-158.
21. Бахофен И.Я. Материнское право. Исследование гинекократии древнего мира в соответствии с ее религиозной и правовой природой: в 3-х т. Т. I. СПб.: Quadrivium, 2018. 384 с.

22. Лосев А.Ф. Диалектика мифа. М.: АСТ, 2023. 448 с.
23. Мамардашвили М.К., Пятигорский А.М. Символ и сознание. Метафизические рассуждения о сознании, символическом и языке. М.: Языки русской культуры, 1997. 224 с.
24. Митина Н.Г. Миф, идеал, утопия. Проблема времени // Гуманитарный вектор. 2011. № 2 (26). С. 42-46.
25. Снегур М.Р. Концепт перформативной национальной идентичности: теоретико-методологические основания // Вестник Майкопского государственного технологического университета. 2024. Т. 16, № 1. С. 132-140.

REFERENCES

1. Magomedova M.Z. Traditional culture of the peoples of the North Caucasus as a factor in counteracting extremism among young people // Cultural heritage of the North Caucasus as a resource for interethnic harmony: a collection of scientific articles following the results of the International Scientific Forum. Moscow, 2019. P. 424-431. (In Russ.)
2. Medvedeva T.B. Technological utopia and forms of its representation in modern culture: technoprogressivism, transhumanism and digital utopia // Scientific bulletin of the Belgorod State University. Series: Philosophy. Sociology. Law. 2011. Iss. 20 (115). P. 45-61. (In Russ.)
3. McLuhan M. The Gutenberg Galaxy. The Formation of Homo Typographis. 2nd ed. M.: Academicheskii Proekt, Gaudeamus, 2013. 496 p. (In Russ.)
4. Paniotova T.S., Sannikova E.V. Utopia after the “end of utopias” // Humanitarian and socio-economic sciences. 2008. Iss. 3 (40). P. 119-124. (In Russ.)
5. Ogloblina EA Introduction of a four-day working week in Russia: utopia or real necessity? // Modern problems of linguistics and methods of teaching Russian in universities and schools. 2022. Iss. 40. P. 404-414. (In Russ.)
6. Lyachin F., Shcherbakov V. Safe elevators in Russia: utopia or reality? // Standards and quality. 2007. Iss. 8. P. 12-16. (In Russ.)
7. Karpeev EP On the emergence of utopia in human consciousness and on the utopia of Marxism and religion // Eurasian Union of Scientists. 2015. Iss. 12-4 (21). P. 70-73. (In Russ.)
8. Bacon F. New Atlantis. Experiments and instructions: moral and political ones. 2nd ed. Moscow: Publishing house of the USSR Academy of Sciences, 1962. 240 p. (In Russ.)
9. Fedina O.V. Utopia as a form of socio-cultural expectation [Electronic resource] // Scientific notes of Novgorod state university. 2020. Iss. 4 (29). P. 26. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_43075238_30596291.pdf (date of access 24.10.2024). (In Russ.)
10. Kuek A.S. On the motives in the Adyghe Nart epic // Reports of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences. 2019. Vol. 19, Iss. 1. P. 54-63. (In Russ.)
11. Kuek A.S. Epic hero and restoration of cosmic order in the Adyghe Nart epic // Bulletin of Science of the Adyghe Republican Institute of Humanitarian Research named after T.M. Kerashev. 2019. Iss. 19(43). P. 39-43. (In Russ.)
12. Unezhev K.Kh. The Adyghe Nart epic and its historical and cultural significance // Reports of the Adyghe (Circassian) International Academy of Sciences. 2021. Vol. 21, Iss. 1. P. 74-83. (In Russ.)
13. Khadzhieva T.M. The Motif of a Miraculous Birth in the Nart Epos of the Karachays and Balkars // Bulletin of the Dagestan State Pedagogical University. Social Sciences and Humanities. 2016. Vol. 10, Iss. 4. P. 134-139. (In Russ.)
14. Zangieva Z., Kochieva I.V. The Nutrition System in the Nart Epos of the Ossetians // Functional Nutrition and the Problem of Specific Diseases (Eco-Prevention of Food Quality and Manifestation of Specific Diseases): Collection of Papers from the III International Scientific and Practical Conference. Vladikavkaz, 2020. P. 74-79. (In Russ.)
15. Narty. The Adyghe Epos [Electronic Resource]. URL: <https://www.rulit.me/books/narty-adygskij-epos-read-180652-8.html> (accessed 24.10.2024). [Title from the screen] (In Russ.)

16. Dukov E.V. Night and its industries // Art education and science. 2020. No. 4 (25). P. 155-164. (In Russ.)
17. Zukhba S.L. The ideal of female beauty in the Nart epic of the Abkhaz-Adyghe peoples // Bulletin of the Adyghe State University. Series, 2: Philology and art criticism. 2012. Iss. 2. P. 80-83. (In Russ.)
18. Batukaeva H.Kh. The Nart epic as the basis for the emergence of the North Caucasian literature [Electronic resource]. URL: <https://www.pedopyt.ru/categories/19/articles/1595> (date of access 24.10.2024). (In Russ.)
19. Bukhurov M.F. Formulas for the rapid growth of a hero in fairy tales and the Nart epic of the Adyghe // The Epic of Unity and Friendship: Proceedings of the International Scientific Conference. Nalchik, 2013. P. 45-50. (In Russ.)
20. Tekueva M.A. Gender archetypes of the peoples of the North Caucasus (according to the Nart epic) // Bulletin of the Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences. 2015. Iss. 6-1 (68). P. 154-158. (In Russ.)
21. Bachofen I.Ya. Maternal law. A study of the gynecocracy of the ancient world in accordance with its religious and legal nature: in 3 volumes. V. I. St. Petersburg: . Quadrivium, 2018. 384 p. (In Russ.)
22. Losev A.F. Dialectics of Myth. Moscow: AST, 2023. 448 p. (In Russ.)
23. Mamardashvili M.K., Pyatigorsky A.M. Symbol and consciousness. Metaphysical reasoning about consciousness, symbolism and language. Moscow: Languages of Russian Culture, 1997. 224 p. (In Russ.)
24. Mitina N.G. Myth, ideal, utopia. The problem of time // Humanitarian vector. 2011. Iss. 2 (26). P. 42-46. (In Russ.)
25. Snegur M.R. The concept of performative national identity: theoretical and methodological foundations // Bulletin of Maikop State Technological University. 2024. Vol. 16, Iss. 1. P. 132-140. (In Russ.)

Информация об авторах / Information about the authors

Аминет Магаметовна Сиюхова, доктор культурологии, профессор кафедры философии, социологии и педагогики. Майкопский государственный технологический университет, г. Майкоп, Российская Федерация, e-mail: amins@mail.ru

Ирина Аминовна Абдокова, преподаватель. Адыгейский республиканский колледж искусств им. У.Х. Тхабисимова, г. Майкоп; магистрант Краснодарского государственного института культуры, г. Краснодар, Российская Федерация, e-mail: irinaabdokova@yandex.ru.

Aminet M. Siyukhova, Dr Sci. (Culturology), Professor, Department of Philosophy, Sociology and Pedagogy. Maikop State Technological University, Maikop, the Russian Federation, e-mail: amins@mail.ru

Irina A. Abdokova, Teacher, Adyghe Republican College of Arts named after U.Kh. Tkhabisimov, Maikop; Master student, Krasnodar State Institute of Culture, Krasnodar, the Russian Federation, e-mail: irinaabdokova@yandex.ru.

Все авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

All authors have read and approved the final manuscript.

Поступила в редакцию 10.08.2024

Received 10.08.2024

Поступила после рецензирования 14.09.2024

Revised 14.09.2024

Принята к публикации 15.09.2024

Accepted 15.09.2024